

ЭТО БЫЛО В „КАНУНЫ“...

Найдено редкое вологодское фото Бориса Савинкова

Работая в одном из московских архивов, я обнаружил среди материалов фото с виньеткой «Северная фотография» Л. Раевского в Вологде». Сделано фото мастерски. И это неудивительно. Ведь Л. Раевский был одним из лучших фотографов Вологды начала века. Но едва ли он подозревал, кого на этот раз запечатлел для потомков.

Виталий Новоселов

Перед нами семейное фото Савиновых-Успенских, снятое весной 1902 года. К Борису Савинкову, отбывавшему в Вологде ссылку студенту, приехал в гости отец, мировой судья и статский советник. А к его жене Вере, дочери писателя Глеба Успенского, прибыл младший брат, воспитанник духовной семинарии — судья по черному смертуку. По этому случаю и отправилось почтенное семейство в фотографию Раевского.

Борису Викторовичу Савинкову было тогда 23 года. На фото он стоит в «белой паре». Его дети, Тая и Витя, тоже одеты в белое, сидят на коленях у бабушки и матери.

В Вологде Борис Савинков окончательно выбрал террористический путь революционной борьбы и на втором году ссылки бежал через Архангельск и северные моря в Кеневу.

Не пройдет и двух лет от весны 1902 года, когда вологодский фотограф Ливерий Раевский запечатлел семейную идиллию Савиновых-Успенских, как Борис Савинков вернется из Швейцарии в Россию и возглавит самый крупный отряд боевой организации партии социалистов-революционеров. Этот отряд будет действовать в Петербурге и Москве. Начнется охота на известных царских чиновников.

Загримированные под возничков и уличных торговцев, под богатых англичан-туристов и актрис из театра «Буфф», террористы терпеливо выслеживали министров, губернаторов. А в назначен-

ный день и час метали бомбы под колеса роскошных экипажей. Под видом «денди» они проникали на великосветский раут и в разгар церемонии стреляли в генерала. Нередко террористы во время покушения погибали. Если же доживали до суда, то делали все, чтобы не избежать смертного приговора. Они считали свою гибель неизбежной, как искупление тяжкого греха убийства. В российских столицах звучали глухие, как удары огромного молота, взрывы, щелкали революционные выстрелы, захлебывались пенные удары на шею студентов и курсисток, несостоявшихся поэтов и талантливых инженеров. Соотечественники уничтожали соотечественников. Множилось зло...

А в центре этих событий был «генерал от террора» Борис Савинков. Он тоже не раз бывал на грани ареста, однажды был схвачен и приговорен к повешению, но бежал из Севастопольской военной тюрьмы накануне казни. И снова Савинков покинул пределы России, теперь уже по Черному морю, на маленьком одномачтовом боте. Произойдет это в июле 1906 года. Так началась вторая эмиграция Савинкова. И были эти события лишь началом его необычной эпопеи, которую современники сравнивали с кинематографической лентой, а героя ленты называли «артистом авантюры».

Во второй эмиграции, в Париже, Савинков написал свой первый роман о террористах «Конь бледный», используя для названия романа библейский образ. А за-

кончила свои дни эта мятежная натура в тюрьме на Лубянке, в 1925 году, видным деятелем белой эмиграции и уже известным писателем. И до сих пор мы не знаем достоверно, как заманили его в Россию агенты ГПУ, покончил он с собой или был убит.

Вологодская фотография Савиновых - Успенских, да еще с виньеткой мэтра Раевского — редкая находка. Исторические документы «сообщили», что Ливерий Викторович Раевский проживал в Вологде на улице Малая Петровка, был «почетным гражданином», содержал в фотографии одного наемного рабочего и два объектива, имел годовой оборот 1000 рублей и чистый доход 100 рублей.

Все это любопытно. Но что-то не давало мне покоя. Какая-то «мышь» скребла и скребла в «кладовых» памяти. Чем-то «смущала» одежда Савинкова на вологодском фото. Где и когда я читал или слышал о его «белой паре»? То было сильное впечатление. Ведь не случайно осталась в памяти такая «зарубка». В этой фотографии была для меня загадка.

И все-таки мне удалось вспомнить, где написано об этой «белой паре»: несколько лет назад, работая в другом московском архиве, я пролистал рукопись Алексея Ремизова «Б. В. Савинков».

Новое знакомство с другим архивом не оставило сомнений: писатель Ремизов знал вологодское фото Савиновых-Успенских и использовал его через двадцать лет с лишним, в 1925 году, когда на гибель Бориса Викторовича ответил рукописью «Б. В. Савинков».

— Два сыльных студента Ремизов и Савинков познакомились в Вологде в 1902 году. То были совершенно разные люди. Робкий и беспомощный в практической жизни Алексей Михайлович. И «сгусток воды» — Борис

Савинков. Одновременно они дебютировали в литературе своими первыми публикациями, живя в Вологде. Их дружба и переписка продолжались больше двадцати лет. Оказывается, подпольщик Савинков и писатель Ремизов встречались в Петербурге в 1906 году, перед поездкой Савинкова в Севастополь, которая едва не закончилась для него трагически. Если верить рукописи Ремизова, они встречались и перед последней в жизни Савинкова поездкой: из Парижа в Москву в 1924 году.

Я не случайно написал: «если верить». У писателя Ремизова было очень богатое воображение, очень богатое даже для писателя. Он нередко смешивал факты и выдумки, а собственной выдумке верил не меньше, чем фактам. И он мог «передвинуть» во времени реальные встречи со своим другом Савинковым. Естественно, это не умаляет художественных достоинств рукописи Алексея Ремизова.

Ремизов был элитарным писателем. Некоторые его книги трудны для чтения из-за утонченных литературных приемов, усложненного языка с тяготением в допетровскую Русь. Критики выделяют в его творчестве несколько «линий»: Гоголя, Достоевского, Гофмана... Речь идет, конечно, не о подражании, а о творческом духе, о мотивах произведений.

Предлагаю вниманию читателей отрывок из рукописи А. Ремизова «Б. В. Савинков» (если точнее — черновика рукописи).

— Этого вы не знаете, Борис Викторович. Я вас видел... а этот день как раз совпадает с заключительным словом трагедии, вашим последним днем на земле... Я вас видел в белом — такая есть ваша вологодская карточка, вы на ней сняты с вашим отцом, это было в «кануны». И вы опять в белом. Так оно и должно быть: вы исполнили все. Силы небесные, помогавшие вам, оставили вас, но

они и не могли ее оставить. Вы в них больше не нуждаетесь, свою казнь вы достойно завершили свое дело — и вот вы в белом.

Трижды мне памятна наша встреча, и никогда вы не были таким, как видел вас сегодня. Должно быть, только в очень раннем детстве. Ни в нашу первую встречу в Вологде, когда ваша воля, еще не выразившаяся, выблискивала сквозь камень вашего лица. Ни во вторую петербургскую, перед вашей поездкой в Севастополь, решавшей, но еще не решившей вашу судьбу, когда камень прорезывался не насмешкой, а гневом и беспощадностью, и помните это черное аловецкое пятно на стенке белой бутылки. И не в Париже в последнюю встречу, совсем незадолго до вашего рокового конца, когда мы сидели в нашем пустынном бистро с музыкой, и мне показалось, что у вас дрожат руки от охватившей вас ка-

кой-то мысли — я ничего не знал, что вы едете на свой суд, я только чувствовал, что в вашей судьбе настало и идет решающее.

И теперь, когда вы смотрели в белом покорно и кротко — необычно, невероятно! И, вспоминая вас прежним, я понял все ваше, я узнал вас. И нигде, только в Москве, вы должны были встретить вашу смерть. Вы были ее вождем на русской земле, ее бездонные глаза и ее жестокий рот вы так хорошо знали, и она, всегда послушная и верная вам, бросилась на вас: вы были тот, кто ее вызвал на указанный срок, срок кончился — вы ее последняя жертва. Круг замкнулся. И не алая, белая одежда на вас — та самая «майская» пара вологодской карточки...

Перед вами редкое архивное фото Савиновых-Успенских (публикуем впервые); справа вверху «в белой паре» стоит Б. Савинков.